

Д. А. Клеменц

Письмо чистосердечного Россиянина {*}

{* Фельетон печатается с сокращением.}

Русский фельетон. В помощь работникам печати.

М., Политической литературы, 1958.

OCR Бычков М. Н.

Большое и важное место в русской журналистике 70-х годов заняла нелегальная печать революционных народников. Этот отряд передовой русской журналистики в значительной мере наследовал традиции нелегальной печати 60-х годов с "Колоколом" А. И. Герцена во главе. Печатным органом революционно-народнической организации "Земля и воля" было издание под тем же названием, выходившее в 1878--1879 гг. Одним из руководителей и авторов газеты "Земля и воля" был Дмитрий Александрович Клеменц (1848--1914), известный публицист и писатель народнического лагеря. Вынужденный в 1875 г. эмигрировать за границу, Клеменц сотрудничал в журнале П. Л. Лаврова "Вперед!", а затем в журнале "Община", издававшемся русскими политическими эмигрантами.

С начала выхода "Земли и воли" Клеменц принимал в газете активное участие. На страницах "Земли и воли" печатались его статьи и в том числе фельетон "Письмо чистосердечного россиянина". Характерная особенность этого фельетона состоит в том, что наряду с разоблачением царя и его приспешников, автор выдвигал и пропагандировал в нем практические революционные шаги, ведущие к свержению самодержавия.

Часто случается слышать жалобы русских обывателей на грубость городских. Эти жалобы не произведение нового времени, когда изданы специальные законы для охранения священной особы городского. Теперь городской груб и нагл сугубо, потому что начальство и этой грубости и наглости видит лучший оплот против разрушительных элементов. Но городской был груб всегда, даже и тогда, когда ему от начальства рекомендовалось не хватать без разбору обывателей за шиворот. Сколько было дел у мировых из-за оскорблений, нанесенных полицией обывателям! Сколько раз газеты с благородным негодованием требовали, чтобы начальство внушило городским уважение к публике! Начальство подчас и внушало, по толку все-таки выходило мало. Хватанье за шиворот и побои продолжали практиковаться, а публика продолжала роптать на городских и на начальство, которое недостаточно строго карало самоуправство своих агентов.

Как всегда и везде, у нас виновато было одно начальство, дающее поблажку внутренним туркам¹⁾; своей же вины мы и не замечали, не думали о том, что городской не может быть вежливым уже в силу своей обязанности, в силу отношений, установившихся между ним и большинством публики на основании обычая.

Ежедневно городской сталкивается с сотнями лиц в серых армяках, нагольных полушубках, покрикивает на них, дает им подзатыльники, лупит их тесаком. Жизнь и русское государственное устройство приучили серого не считая принимать подзатыльники и не гоняться за тычком. От постоянных окриков и ругательств голос стража благочиния приобретает мало-помалу грубый, рычащий, звероподобный характер. Привычка раздавать пинки, хватать, тащить, не пущать²⁾ и размахивать руками обращается от долговременной практики в простой рефлекс. Встречаясь с человеком, не привыкшим к позубасткам, привелигированным, страж порядка, опора отечества не изменяет для такого экстренного, сравнительно редкого казуса своих обычных способов усмирения. Он так привык к безнаказанным позубастикам и заушениям, что считает их неизбежными атрибутами своей консерваторской миссии, своим правом, главной опорой порядка. Теперь же мы дожили до того, что и само начальство признало насилие наилучшим средством охранения престола, и кто не хочет мириться с насилием, тому тоже нет другого средства обороны, кроме кулака.

Вспомним статью Добролюбова о помещицкой семье³⁾ и взаимных отношениях ее членов.